

В. А. Салимовский

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Пермь)
Salimovsky@rambler.ru*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СТИЛИСТИКО-РЕЧЕВОЙ СИСТЕМНОСТИ

В статье предпринята попытка синтеза понятий стилистико-речевой и дискурсивной системности на основе деятельностного подхода к тексту. Кратко рассматривается разработка проблемы системности речи. Предметом исследования выступает текст научного описания в отдельной области знания, продуцируемый в соответствии с определенной программой познавательных-коммуникативных действий. Эта программа обуславливает, с одной стороны, «формы последовательности и сцепления высказываний» (М. Фуко), т. е. порядок дискурса, а с другой — стилистико-речевую системность как взаимосвязь и взаимообусловленность лексических и грамматических единиц на текстовой плоскости, используемых для достижения типовых целей. Последние рассматриваются с учетом условий их реализации, т. е. как задачи, разрешаемые познавательными-коммуникативными операциями.

Релевантными условиями научного описания являются: характер изучаемого объекта, задаваемые исследовательской программой его деление на части и набор параметров фиксации данных наблюдения. Речевые (дискурсивные) практики истолкованы как познавательные-коммуникативные операции, совершаемые при разрешении повторяющихся задач с использованием некоторого состава лексических и грамматических единиц. Показано, что научное описание, осуществляемое в соответствии со сложившейся программой исследования, имеет свой словарь. Образующие его разряды слов соотнесены со строго определенными элементами семантико-грамматической организации предложения и обнаруживают закономерные морфологические и словообразовательные особенности.

Ключевые слова: стилистико-речевая системность, дискурсивная системность, речевая разновидность, научное описание, дискурсивная практика.

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 17–29–07049).

В лингвистическую теорию понятие речевой системности введено, по-видимому, Г. О. Винокуром в начале 1920-х гг. Откликаясь на положения соссюрковского «Курса общей лингвистики», он характеризовал речь не просто как индивидуальное говорение, но и как особую нормативную структуру: несколько актов речи, писал он, «уже не сумма индивидуальных актов только, а их система, обладающая... общеобязательной значимостью, смыслом, хотя бы и в узких, но всё же социальных пределах» [Винокур 1990: 29].

С конца 1960-х гг. понятие речевой системности становится одной из ключевых категорий функциональной стилистики. М. Н. Кожина, в исследованиях которой это понятие является базовым, определила его так: «Речевая системность функционального стиля — это взаимосвязь и взаимозависимость используемых в данной сфере языковых средств разных уровней — по горизонтали и по вертикали — на основе выполнения этими средствами единого коммуникативного задания...» [Кожина 1972: 115–116]. Коммуникативное задание понимается здесь предельно обобщенно: как назначение того или иного вида деятельности в единстве с формой сознания. В 1950–60-е гг. столь высокий уровень абстракции определялся задачей выделения и описания основных функциональных макростилей.

Например, в научной сфере деятельности обобщенный и абстрагированный характер мышления обуславливает взаимосвязь языковых единиц разных уровней по функциональному значению отвлеченности. Иллюстрируя взаимодействие лексики и грамматики, М. Н. Кожина отмечала: «...Здесь широко употребляются научные термины, абстрактная лексика, а также «обычные» конкретные слова в отвлеченных и обобщенных значениях, которые как бы «ведут» за собой наиболее отвлеченно-обобщенные по своим значениям морфологические средства... Это, например, настоящее вневременное глаголов, формы лица глаголов в безличном, неопределенно- и обобщенно-личном значениях..., преобладание несовершенного вида как наиболее отвлеченного над совершенным... Все эти средства представляют собой не совокупность, не набор, а именно систему взаимосвязанных средств...» [Кожина 1972: 116–117].

Одновременно с экспликацией категории речевой системности лингвистами осуществлялся анализ распределения и функционирования лексических и грамматических единиц языка в разных стилях и типах речи (исследования Б. Н. Головина, М. Н. Кожиной, О. Б. Сиротининой, Д. Н. Шмелева и др.).

В последней трети XX в. идея системности речи получает развитие в различных направлениях дискурсного анализа [Schiffrin 1994], причем в работах, ориентированных на принципы французской школы, она становится одной из базовых. Так, согласно М. Фуко, дискурс — это «практика, обладающая собственными формами сцепления и собственными же формами последовательности» [Фуко 1996: 168]. Это определение хорошо поясняют, например, такие суждения ученого: «Количественные описания, биографическое повествование, установление, интерпретация, выведение законов... — всё это мы можем найти в медицинском дискурсе XIX в. Какие же сцепления существуют между ними? Какова их необходимость? Почему появляются именно эти высказывания, а не какие-либо другие?» [Фуко 1996: 51].

Попробуем совместить представленные трактовки системности речи — сначала в эмпирическом анализе, а затем как теоретических положений, относящихся к одному и тому же объекту.

Рассмотрим фрагмент научного текста — описание вида растения:

Берёза пушистая — *Betula pubescens*: Дерево... до 20 м высотой... Молодые побеги тонкие, тёмно-бурые... Листья яйцевидной формы, с округлым, слегка сердцевидным или слабоусеченным основанием, на верхушке острые или заостренные...; края двоякозубчатые. Длина листа — 4–6 см... Лист плотный, с 6–7 парами боковых жилок... Соцветия — женские, сережки около 3 см длиной... Плод — орешек, продолговато-эллиптический в поперечной плоскости...

Отметим, что научный описательный текст имеет сравнительно несложную организацию. Поэтому, с одной стороны, он может быть удобным «опытным полем» для проверки предположений общего характера, но, с другой, эти предположения нуждаются в развитии на материале текстов иных коммуникативных сфер.

В отличие от традиционной характеристики макростилей, снизим уровень абстракции. Предмет научного исследования будет рассматриваться по отношению не к науке вообще, а к отдельной отрасли знания (биологии) — и уже — отдельной научной дисциплине (ботанике). В нашем случае предметом являются морфологические свойства вида растения. Соответственно субъект научно-познавательной деятельности (автор-ученый) предстает как специалист в определенной области, чья компетенция включает весь необходимый набор познавательных и стилистико-речевых средств [Каджая 2016].

Важно при этом учитывать, что автор текста, как и читатель-специалист, ориентирован на дисциплинарную исследовательскую программу. Она предполагает определенный порядок описания органов растений по заданным морфологическим параметрам — главным образом параметрам формы, размера, цвета. Иными словами, эта программа является своего рода фреймом. Для семейства «Березовые» порядок таков: жизненная форма, внешний вид, побеги, листья, соцветия, плоды. По отношению к отдельным органам растения фрейм конкретизируется. См. таблицу (в ее столбцах жирным шрифтом выделены номинации, используемые в рассматриваемом тексте):

Программа фиксации признаков объекта

Форма пластинки	Форма верхушки листа	Форма края листа	Форма основания листа	Размер листа (его частей)
широкояйцевидная яйцевидная ланцетная округлая овальная продолговатая обратнояйцевидная обратноланцетная линейная	тупая острая заостренная остроконечная выямчатая	цельнокрайняя зубчатая пильчатая городчатая выямчатая волнистая двоякозубчатая двоякопильчатая	клиновидная округлая сердцевидная стреловидная копьевидная неравнобокая усеченная суженная	количественно-именное сочетание

Мы видим, что описание строится как своего рода заполнение матрицы: *Листья яйцевидной формы, с округлым, слегка сердцевидным или слабоусеченным*

основанием, на верхушке **острые** или **заостренные**...; края **двоякозубчатые**. Действительно, признак **яйцевидный** (*Листья яйцевидной формы*) — оно из возможных значений параметра «форма пластинки», признаки **острый**, **заостренный** — значения параметра «форма верхушки», признак **двоякозубчатый** — параметра «форма края», признаки **округлый**, **сердцевидный**, **слабоусеченный** — параметра «форма основания».

Обнаруживается закономерная связь лексических и грамматических единиц. В самом деле, рассматриваемый тип текста характеризуется своим словарем. Основными группами слов являются обозначения: 1) органов (частей) растения: *лист, пластинка, верхушка, основание, край*; 2) параметров: *форма, размер (длина, ширина, высота), цвет, расчленение, жилкование*; 3) качественных признаков: *волнистый, городчатый, двоякозубчатый, заостренный, клиновидный, копьевидный, обратнойяйцевидный, остроконечный, пальчаторасчлененный, перистый, пильчатый* и др.; 4) количественных признаков: количественно-именные сочетания (*3 см, 6 пар* и под.); 5) места, времени и степени проявления признака: наречия места, времени, меры и степени (*сверху, снизу, позже, почти, слегка*); предложно-падежные формы существительного, имеющие локативное или темпоральное значение (*в таежной зоне, на севере, в мае* и под.).

Нетрудно увидеть, что лексические единицы каждой из групп соотнесены с вполне определенными компонентами семантико-грамматической организации предложения и обнаруживают закономерные морфологические и словообразовательные особенности. Так, номинации органов растения выступают субъектом — носителем качественного или квалификативного признака: *Листья яйцевидные. Плод — орешек*. Номинации частей органа растения регулярно используются не только в роли предиктируемого субъекта (*Основание округлое. Верхушка острая*), но и в функции предиката, характеризующего предиктируемый предмет как целое по части. В этом случае они представлены в форме тв. п. с предлогом *с*: *Листья с округлым основанием, с острой верхушкой*. Распространены синонимичные конструкции, в которых номинация органа растения используется в предложно-падежных формах, имеющих локативное значение: *Листья в основании округлые, на верхушке острые*.

Как видим, в описании внешнего вида растения (органов и их частей) весьма часто используются номинализации — как результат компрессии исходных (глубинных) субъектно-предикатных структур: *Основание листа — округлое, верхняя часть — заостренная / Лист с округлым основанием и заостренной верхней частью*.

Аналогичный синтаксический механизм обнаруживается и при функционировании слов второй группы (обозначений параметров описания). Они выступают в предложении либо субъектом (*Форма яйцевидная*), либо предикативным компонентом: *Листья яйцевидной формы*.

Основная функция слов третьей группы (обозначений признаков растений) — предикативная, реже атрибутивная (при номинализации исходной структуры). Обычно субъекту предиктируется несколько признаков, поэтому предложение осложнено однородными членами, а поскольку признаки могут варьироваться,

наряду с соединительными выражаются разделительные отношения: *Листья яйцевидной формы, с округлым, слегка сердцевидным или слабоусеченным основанием, на верхушке острые или заостренные...* При этом, как правило, используется полная форма прилагательных и причастий. Многие лексемы образованы сложением: *остроконечный, пальчаторасчлененный*, в том числе с опорным компонентом *-видный*: *клиновидный, копьевидный, обратнойяйцевидный*; характерны суффиксы *-чат, -ист*: *городчатый, пальчатый, перистый, волнистый* и др.

Необходимость определения степени, а также места и времени проявления признака объясняет регулярное использование слов четвертой группы — наречий и предложно-падежных форм соответствующей семантики — в функции распространителей предиката или предложения в целом: *Листья неясно двоякозубчатые... снizu с опушением... в молодом возрасте светло-зеленые.*

Из анализа следует, что сложившаяся программа описания растения предполагает появление именно этих типов высказывания, а не каких-либо других, и именно в этой их последовательности, в этих связях. Ср. суждение М. Фуко о медицинском дискурсе: «Вопрошающий субъект вопрошает в соответствии с определенной решеткой исследования (эксплицитной или нет) и воспринимает всё согласно своей программе информации» [Фуко 1996: 53].

Переходя с уровня представленности и связи типов высказывания в дискурсе на уровень собственно языковой организации (выбора и употребления языковых средств), мы обнаруживаем тесную взаимосвязь лексических и грамматических единиц на основе частного коммуникативного задания, в нашем случае — установки на описание характерных морфологических свойств растения. Важно, что картина взаимосвязи разноуровневых языковых единиц на текстовой плоскости становится более полной, чем при изучении макростилей: фиксируются и получают объяснение не только те особенности употребления языковых средств, которые детерминированы спецификой научно-познавательной деятельности как таковой (например, употребление формы ед. ч. существительных в обобщенно-собирательном значении: *береза* как вид дерева), но и те, которые определяются системой частных познавательно-речевых задач, вплоть до коммуникативных заданий отдельных высказываний.

Этим завершим анализ фрагмента текста и вернемся к вопросу о соотношении понятий дискурсивной и стилистико-речевой системности.

Очевидно, что эти понятия соотносятся с одним и тем же объектом — речью, но выделяют в нем разные предметные области. Изучение дискурсивной системности предполагает установление типов дискурсивных практик, их последовательностей и связей (в определенных исторических условиях), а стилистико-речевой системности — традиционных особенностей выбора и употребления языковых единиц разных уровней под влиянием экстралингвистических факторов. Представляется, что рассматриваемые понятия могут быть согласованы в рамках общего системно-деятельностного подхода [Сидоров 1987].

Как известно, конечная цель деятельности обычно достигается некоторой системой действий, подчиняющихся частным целям. Для достижения цели «необходим

учет условий, в которых ее предстоит реализовать. Соотношение цели с условиями определяет задачу, которая должна быть разрешена действием» [Рубинштейн 2002: 443]. При рассмотрении деятельности в технологическом аспекте — как практики — в фокусе внимания оказывается ее воспроизводимость в соответствии с традицией: сложившимися программами, схемами, стереотипами, матрицами, алгоритмами.

Если при изучении дискурса мы стремимся не только установить состав и взаимосвязь совершаемых познавательных-коммуникативных действий (в результативном плане — высказываний), но и исследовать их языковую форму, то в анализе должны быть учтены условия продуцирования высказывания. В научном описании релевантными условиями являются: 1) характер изучаемого объекта (референтная отнесенность текста как знака) и задаваемые «программой информации» 2) членение этого объекта, 3) категориальный аспект выделения его признаков (ср. описание количественное, качественное, структурное, формы и содержания, кинематическое и др.).

Анализ показывает, что синтез понимания речевой системности как форм сцепления и последовательности высказываний и как взаимосвязи разноуровневых языковых единиц на текстовой плоскости достигается в том случае, когда внимание сосредоточено не на реализации иллюкативных целей, отвлеченных от условий общения (в том числе цели *описать кого-либо или что-либо*), а на разрешении противоречащихся в этой деятельности познавательных-коммуникативных задач.

С учетом сказанного дискурсивную (или речевую) практику можно определить как регулярно повторяющееся действие, являющееся разрешением стандартной познавательной-коммуникативной задачи.

Важно отметить, что языковыми средствами реализации повторяющихся частных коммуникативных заданий выступают не только отдельные языковые единицы, но и готовые к употреблению сегменты языковой материи, в том числе коммуникативные фрагменты (словесные группы) и контуры высказываний [Гаспаров 1996]. Например: *крупное дерево, по длине стебля, до [стольких-то] сантиметров в диаметре, в нижней части, с верхней стороны и под. Листья яйцевидные, с округлым основанием; Листья яйцевидно-треугольные, с острой верхушкой; Молодые листья тонкие, со смолистым запахом и под.*

В заключение подчеркнем, что собственно языковой — лексический и грамматический — аспект изучения речевых разновидностей (дискурсивных формаций) имеет первостепенное значение для решения важных прикладных задач — обучения языку (родному и иностранному), компьютерного моделирования речевой коммуникации.

Литература

- Винокур Г. О. Филологические исследования. М. : Наука, 1990. 455 с.
Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.

Каджая Л. А. Системность научного специализированного дискурса: использование жанровых форм и языковых средств / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016. 180 с.

Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими / Перм. ун-т. Пермь, 1972. 395с.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2002. 720 с.

Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М. : Наука, 1987. 141с.

Фуко М. Археология знания. Киев : Ника-центр, 1996. 208 с.

Schiffirin D. Approaches to discourse. Cambridge, MA & Oxford: Blackwell, 1994. 470 p.

V. A. Salimovsky

Perm State National Research University

(Russia, Perm)

salimovsky@rambler.ru

THE INTERRELATION OF LEXICAL AND GRAMMATICAL UNITS IN STYLISTIC-SPEECH SYSTEM

The paper attempts to synthesize the concepts of stylistic-speech system and discourse system based on the activity approach to the text. The study of the speech system matter is briefly considered. The subject of this research is a scientific descriptive text of a separate field of knowledge produced according to a certain program of cognitive-communicative actions. On the one hand, this program determines the “forms of statements’ consistency and coherence” (Michel Foucault), i.e. the order of discourse. On the other hand, the program examines the stylistic-speech system as the interrelation and interdependence of lexical and grammatical units in a text, which are used to achieve the goals. The latter are reviewed with the account of their implementation conditions, i.e. as the goals that are realized by cognitive-communicative operations.

The relevant conditions of the scientific description are the following: the nature of the object of study, its division into parts as assigned by a research program, a set of parameters to fix the observed data. The paper interprets discursive practices as cognitive-communicative operations performed while solving recurrent tasks using a certain repertoire of lexical and grammatical units. Any scientific description carried out in accordance with the established research program has its own vocabulary. The vocabulary consists of word classes that correlate with strictly defined elements of semantic-grammatical organization of a sentence and demonstrate appropriate morphological and derivational features.

Keywords: stylistic-speech system, discourse system, speech form, scientific description, discursive practice.

References

Vinokur G.O. *Filologicheskie issledovaniya*. [The Philological Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 455 p.

Gasparov B.M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya*. [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moscow, Novoe lit. obozrenie, Publ., 1996. 352 p.

Kadzhaya L.A. *Sistemnost' nauchnogo spetsializirovannogo diskursa: ispol'zovanie zhanrovyykh form i yazykovyykh sredstv*. [The system of scientific specialized discourse: the use of genre forms and language means]. Perm', 2016. 180 p.

Kozhina M.N. O rechevoi sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotorymi drugimi. [On the speech system of scientific style in comparison with some others]. Perm', 1972. 395p.

Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchei psikhologii* [The Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 720 p.

Sidorov E.V. *Problemy rechevoi sistemnosti* [The Problem of Speech System]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 141p.

Fuko M. *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge]. Kiev, Nika-tsentr Publ., 1996. 208 p.